

УДК–94(471.6).084.8

Таков Залим Юрьевич

старший преподаватель Нальчикского института кооперации (филиала)

Белгородского университета кооперации, экономики и права

zalimtakov@yandex.ru

Шомахов Заур Хамидбиевич

младший научный сотрудник

Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований

shoma31@rambler.ru

Takov Zalim Jurievich

senior lector Nalchik Cooperation Institute (branch)

of Belgorod University of cooperation, economy and law

zalimtakov@yandex.ru

Shomahov Zaur Hamidbievich

junior staff scientist of Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research

shoma31@rambler.ru

**АТЕИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 40-60-Е ГГ. XX В. В КОНТЕКСТЕ
ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ**

**ATHEISTICAL WORK IN KABARDINO-BALKARIAN IN
40-60 YEARS OF XX CENTURY IN THE CONTEXT
OF THE NATION- WIDE RELIGIOUS POLICY**

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности атеистической работы в КАССР и КБАССР в 40-60 гг. XX в. в контексте общегосударственной религиозной политики, анализируется трансформация применявшихся советской властью приемов и методов атеистической работы и их реализация в этноконфессиональных реалиях республики. Освещается динамика взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций.*

***Ключевые слова:** атеизм, религия, церковь, светские обряды, пропаганда, идеология, СМИ, трансформация.*

***Annotation:** The article is dedicated to the examination of the particularities of the atheistically work in Kabardino-Balkarian in 40-60 of XX century in a context of the nation-wide religious policy. Here is analyzing the transformation of the ways and methods and their realization in ethno-confessional realities of the republic. It throws light on the dynamics of the interaction of the organs of the state power and religions organizations.*

***Keywords:** atheism, religion, church, secular customs, propaganda, ideology, mass-media, transformation.*

Одним из важных компонентов советской идеологической системы на протяжении всего периода ее существования являлся атеизм. Однако, годы Ве-

ликой Отечественной войны стали переломными во взаимоотношениях религии и государства. Они ознаменовались «примирением» власти и конфессий и послужили причиной изменения вектора развития государственной религиозной политики, трансформации приемов и методов атеистической работы, где крен был смещен в сторону просвещения, пропаганды и агитации, в противовес запрительно-репрессивным мерам 20-30-х гг. XX в.

Органами, призванными реализовать на практике новую религиозную политику стали созданный в 1943 г. Совет по делам русской православной церкви и, в 1944 г., Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (в 1965 г. эти органы были объединены в Совет по делам религий при Совете Министров СССР). Важной задачей, стоявшей перед данными органами, являлось осуществление связи между Правительством СССР и религиозными организациями, а также в контроль за правильным применением законодательства о религиозных культах [2, с. 103]. В КАССР (Кабардинская автономная советская социалистическая республика (1944-1957 гг.) – существовала в период депортации балкарского народа – З.Т., З.Ш.) данные функции были возложены на учрежденные в 1944 г. институты уполномоченных на местах при Совете по делам религиозных культов и Совете по делам русской православной церкви при СНК СССР. Источники свидетельствуют о том, что уполномоченным по КАССР предписывалось обеспечить полную реализацию нового религиозного курса государства. Им вменялось в обязанности рассматривать ходатайства верующих об открытии молитвенных зданий, утверждать кандидатуры служителей культа, выдвигаемые той или иной религиозной общиной, «...по окончании праздников высылать особую докладную записку с подробной информацией о количестве молящихся, посетивших мечети, церкви и синагогу, их половозрастную структуру, выявлять факты националистической агитации, давать характеристику проповедей, фиксировать количество забитого скота» [9, оп. 1, д. 5, л. 34]. Полученная от уполномоченных информация тщательно анализировалась партийным активом и нередко служила основанием для проведения административных мер на местах. Так, например, в 1948 г. Председатель Совета Министров КАССР И. Казмахов издал специальное распоряжение о срочной командировке в колхозы республики районного и партийного актива для предотвращения массового забоя крупного рогатого скота в связи с наступлением мусульманского праздника Курман, «что могло поставить под угрозу выполнение государственного плана развития животноводства в республике». Уполномоченные осуществляли меры, препятствовавшие созданию или регистрации в республике религиозных общин, строительству культовых зданий, выезду молодых людей на учебу в духовные учебные заведения. Избегая прямого отказа или запретов, уполномоченные создавали различные сложности, затягивали решение данных вопросов, поэтому их деятельность с одной стороны препятствовала легальной религиозной жизни, а с другой способствовала формированию в республике многочисленных незарегистрированных религиозных общин и деятельности незарегистрированных служителей культа, которые реально имелись в каждом населенном пункте [4, оп. 2, д. 1098, л. 15, 22]. Ввиду того, что признание факта религиозности было сопряжено в 40-60-е

гг. XX в. со всевозможными неприятностями, отправлением религиозных обрядов, посещение молитвенных зданий и т.п. особенно членами КПСС, комсомольцами принимало латентный характер. Наличие подобной дискриминации способствовало формированию в республике феномена латентной религиозности, сосуществования светского и духовного мировоззрений, что выражалось, прежде всего, в конформистском отношении к проявлениям религиозности со стороны партийного и комсомольского активы, замалчиванию фактов отправления обрядов, имитации активной атеистической работы на местах, формального к ней отношения. Это подтверждается материалами периодической печати и архивными документами. Так, например, в 1959 г. в г. Тырныауз было отмечено оживленное празднование Пасхи, принявшее форму народного гуляния. Примечательно, что данный праздник «отмечали вместе с верующими и некоторые коммунисты» [3], в том числе руководители первичных партийных ячеек. Схожие случаи достаточно часто фиксировались и в других населенных пунктах КБАССР, причем нередко в них фигурировали члены партии и руководители определенного уровня. В частности, в 1963 г. специальное заседание бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС было посвящено рассмотрению фактов активного участия в похоронах по религиозным обрядам, организации бракосочетаний по шариату коммунистов и комсомольцев, руководящих работников Баксанского, Зольского, Терского и Урванского районов республики [4, оп. 2, д. 1644, л. 106].

Ввиду усиления пропагандистского направления атеистической работы более заметную роль в 40-60-е гг. XX в. стали играть республиканские СМИ. В редакциях местных газет «Кабардинская правда» (на русском языке) и «Къэбэрдей пэж» (на кабардинском языке) действовали специальные отделы атеистической пропаганды, которые вели рубрики – «Проблемы атеизма», «В помощь пропагандисту», «В помощь атеисту», «В помощь лектору», «Беседы с верующими», «Беседы на антирелигиозные темы», «На научно-атеистические темы», «Религия – наш враг», «Трибуна атеиста», «Религии – бой!». Необходимо отметить, что на страницах республиканской прессы преобладали статьи, направленные против ислама и различных протестантских течений (баптистов, адвентистов, пятидесятников и т.п.), в меньшей степени они затрагивали православие и иудаизм. Это объясняется с одной стороны преобладанием в этноконфессиональной структуре населения республики лиц, исповедующих ислам, и большей укорененности мусульманской религии в общественном сознании, а с другой – активностью сектантских групп, возросшей в послевоенные годы.

Значительное усиление атеистической работы имело место в период хрущевской «оттепели» (1953-1964 гг.). Провозглашенный на государственном уровне возврат к истинному марксизму-ленинизму, разрыв с политикой, проводимой И.В. Сталиным, и другие обстоятельства, предопределили существенные изменения в конфессиональной политике. В эти годы был взят курс на вытеснение религии из духовной жизни советского общества, что нашло отражение в серии нормативных актов 1958 г. (Постановление ЦК КПСС «О недостатках научно-атеистической пропаганды»), 1961 г. (Постановление ЦК КПСС «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»), 1964 г. (Постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по усилению атеистического воспита-

ния населения»). Таким образом, годы «оттепели» в отношении государства и религии отличались усилением атеистической работы. Однако, необходимо отметить, что религиозная политика развивалась в контексте общегосударственной и испытывала на себе ее непосредственное влияние. «Оттепель» изменила страну, дала людям ощущение хоть ограниченной, но свободы. Поэтому принятие самых жестких нормативно-правовых актов, в данном случае в отношении религии, не могло уже восприниматься как возврат к методам атеистической работы 20-30-х гг. XX в. Действительно, как в центре, так и на местах партийный актив рапортовал об активизации атеистической работы. Так, например, в Кабардино-Балкарии только количество читаемых на атеистические темы лекций было увеличено более чем в два раза [8]. Однако, следует предположить, что речь здесь шла о превалировании количественных показателей над качественными. Поэтому в эти годы отнюдь не произошло реального снижения религиозности населения республики, хотя агитационно-пропагандистские мероприятия и были заметно активизированы. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Так, например, в информационно-статистическом отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров КБА-ССР за 1965 г. отмечалось, что «по религиозному обряду в селе хоронят всех умерших», а также что на одного зарегистрированного служителя культа, например, в Чегемском районе, приходилось порядка 20 незарегистрированных [4, оп. 2, д. 1981, л. 3, 31].

В годы «оттепели» формы проведения атеистической работы стали более разнообразны. Помимо превалировавшего лекционного метода, стали устраиваться вечера вопросов и ответов, публичные демонстрации химических опытов, активно работали кинолектории, где демонстрировались научно-популярные фильмы и передачи на атеистические темы. Новшеством того времени стала практика высмеивания служителей культа и религиозных предписаний на страницах местных газет [6], постановка спектаклей атеистического содержания, также довольно широко применялся метод, когда на страницах республиканской прессы печатались, а зачастую перепечатывались из центральных периодических изданий, статьи бывших служителей культа или активно верующих людей, по тем или иным причинам порвавших с религией [1]. Данные публикации содержали стандартную схему изложения материала: 1) трудное детство; 2) отсутствие систематичного образования; 3) карьера на религиозном поприще; 4) разочарование в религии под воздействием успехов науки и социализма; 5) отход от религии и вхождение в общество советских тружеников; 6) призыв к отходу от религии читателей. В данных рассказах особый акцент делался на пороки и невежество, царящие в среде верующих и служителей культа, подчеркивалось исключительно отрицательное воздействие религии на людей и т.д. Факты отречения от веры в стране в целом, и в республике в частности, не были многочисленными, но их усиленное тиражирование в СМИ и атеистической литературе призвано было создавать иллюзию массового отхода. Так, в Кабардино-Балкарии публично порвали с религией не более десятка священнослужителей, причем большинство из них составляли незарегистрированные служители культа [4, оп. 2, д. 1900, л. 13].

Резкой критике в этот период подвергались попытки духовенства либерализовать те или иные религиозные предписания, органично вписать их в советские реалии. Серия статей, посвященных этому вопросу [10], помещенная на страницах республиканской прессы, преподносила данное направление деятельности служителей культа как способ спасти религию от неминуемой гибели. Действительно, со стороны духовенства республики предпринимались определенные шаги по либерализации религиозных предписаний. Примером могут служить случаи переноса поста и поминальных дат на более удобное время года, если они препятствовали трудовой деятельности. Эти меры применялись в связи с тем, что одним из самых главных элементов в атеистической пропаганде являлась критика религиозных обычаев в связи с уроном, наносимым ими народному хозяйству (Ураза снижала работоспособность тружеников, Курман – способствовал уничтожению большого количества скота и птицы, поминки срывали с работы людей и т.п.). Поэтому не возбранялся перенос Уразы на отпуск, а поминок – на выходные дни.

Значительное место в атеистической работе в годы хрущевской «оттепели» заняло внедрение в общественный быт новых советских безрелигиозных обрядов. Данное направление работы было закреплено в постановлении Совета Министров РСФСР 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Для обеспечения руководства этой работой на местах создавались специальные обрядовые комиссии, куда входили представители партийных и комсомольских организаций, журналисты, работники бюро записи актов гражданского состояния, военкоматов и учреждений здравоохранения, творческая интеллигенция. На специальных собраниях, входившие в состав обрядовых комиссий члены, обсуждали сценарии проведения свадеб, похорон, именин, утверждали содержание обрядовых текстов. В их функции входила разработка гражданских ритуалов обрядов и праздников, а также контроль за их проведением. Авторы новых обрядов осознавали необходимость придания им «нейтральной» направленности, чтобы верующие не видели препятствий для участия в них [7, с. 133].

Наибольшее внимание уделялось разработке и внедрению новой социалистической обрядности в отношении важнейших событий жизненного цикла – свадьба, похороны, рождение ребенка. Сохранение в быту религиозных обрядов в эти годы объяснялось официальной идеологией не столько религиозностью лиц их отправляющих, сколько выполнением ими роли красивых декораций к важнейшим событиям в жизни человека. В связи с этим упор был сделан на красочность и помпезность новых обрядов, которые по эмоциональной насыщенности не должны были уступать религиозным. Форма праздников нередко оставалась национальной, а содержание должно было стать социалистическим, освобожденным от религиозных компонентов. Для этого была проведена работа по популяризации «прогрессивных» народных обычаев. К ним отнесли куначество, гостеприимство, уважительное отношение к старшим, общественную взаимопомощь и др. Ошибка заключалась в том, что вполне возможным в тот период считалось искусственное отделение национального компонента от религиозного. Поэтому результат этого направления атеистической работы не был удовлетворительным, виду того, что произошла не замена национально-

религиозной обрядности на советскую социалистическую, а их взаимное сосуществование, а позже и переплетение. Так, например, гражданские похороны оказались вполне совместимыми с традиционными, а торжественная регистрация брака в Дворцах бракосочетания вовсе не отменила венчание в церкви или регистрацию брака муллой.

Таким образом, в 40-60-е гг. XX в. в республике атеистическая работа так и не смогла принципиально изменить ситуацию с религиозностью населения. Позиции религии были ослаблены, но религиозность сама по себе как духовная категория утрачена не была. Сформировавшиеся же в 40-60-е гг. приемы и методы атеистической работы продолжали оставаться доминирующими вплоть до середины 80-х гг. XX в. Латентность религиозного компонента, но при этом его широкая распространенность способствовали утверждению в социуме республики на всех уровнях системы параллельных ценностей, взаимопроникновение и взаимовлияние традиционного и социалистического, религиозного и секулярного компонентов. Подобное положение вещей способствовало формированию у большей части населения инфантильного отношения как к пережиткам прошлого и религии, с которыми на официальном уровне шла борьба, так и к самой этой борьбе.

Литература:

1. *Драмарецкий П. Почему я порвал с религией // КБП.- 1958-22 февраля; Глушан И. Почему я вышел из секты баптистов // КБП.-1958.-21 мая; Пивоварчук А. Почему я порываю с церковью. Открытое письмо к архиепископу Ставропольскому и Бакинскому Антонию // КБП.-1958.-2 августа; Ясько А. Я ушла из секты // КБП.-1959.-5 августа; Алеуулы А. Почему я отрекся от ислама // КБП.-1959.-22 августа; Колм А. Мракобесы без маски. Письмо бывшего проповедника майкопской секты субботников // КБП.-1959-16 сентября; Альботов И. Я отрекаюсь от ислама // КБП.-1960.- 6 марта; Клименко А. Смелее рвите религиозные путы. Рассказ бывшего священника // КБП.-1960.-10 сентября; Димаров Д. Я порываю с миром невежества и дурмана // КБП.-1962.- 6 июля и др.*

2. *Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. -М.: Издательство политической литературы, 1981. 263 с.*

3. *Ружанский А. Где же партийная принципиальность? // Кабардино-Балкарская правда (далее – КБП).-1959.-5 июня.*

4. *Управление общественно-политической документации архивной службы Кабардино-Балкарской республики (далее УОПД АС КБР) Ф.1.*

5. *УОПД АС КБР Ф. 4.*

6. *Фельетон. Предприимчивый святоша // КБП.-1963.-30 марта.*

7. *Хвостова Г. Использование социалистической обрядности для преодоления религиозности населения//Неприкосновенный запас.-2010.-№5. С. 133.*

8. *Цавкилов Б. Решительнее вести атеистическую пропаганду // КБП.-1964.- 28 января.*

9. *Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики Ф. 780, Оп. 1, Д. 5, Л. 34.*

10. Шекихачев М. Борьба против религиозных пережитков – важная задача // КБП.-1959.-29 декабря; Касумов А. Ислам – орудие духовного порабощения человека // КБП.-1960.-18 декабря; Дзагуров М. Религия – вредный пережиток прошлого // КБП.-1961.-4 марта; Гучев Б. Реакционная сущность религии // КБП.-1963.-13 апреля; Калугин Р., Эльбердов Э. Путь к воинствующему атеизму // КБП.-1964.-16 сентября и др.

Literature:

1. Dramarezky P. Why I broke with religion // Kabardino-Balkarian Truth (KBT).-1958.-22 February; Glushan I. Why I left Baptist sect // KBT.-1958.- 21 May; Pivovarchuk A. Why I break with the church. Open letter to Antony – Stavropol and Bakinsky Archbishop // KBT.-1958.-2 August; Jasko A. I left the sect // KBT.-1959.-5 August; Aleuly A. Why I renounced Islam // KBT.-1959.-22 August; Kolm A. Obscurantist without mask. The letter of former preacher of Maikop sect // KBT.-1959.-16 September; Albotov I. I renounce Islam // KBT.-1960.-6 March; Klimenko A. Tear religious ties braver. Story of a former priest // KBT.-1960.- 10 September; Dimarov D. I break with the world of ignorance and datura // KBT.-1962.- 6 July and others.

2. Kuroedov V. A. Religion and church in the Soviet Union.-M.: Political literature publishinghouse, 1981.-263 p.

3. Ruzhansky A. Where are party principles? // KBT.-1959.- 5 June.

4. Management of social-political documentation archive service of Kabardino-Balkarian republic (further MSPD AS KBR) Fond 1.

5. MSPD AS KBR Fond 4.

6. Feuilleton. An enterprising puritan // KBT.-1964.- 28 January.

7. Hvosstova G. Use of socialist rituals to overcome the religiousness of population // Emergancy ration.-2010.- № 5.- P. 133.

8. Tsavkilov B. Conduct atheistic propaganda // KBT.- 1964.- 28 January.

9. Central State Archive of Kabardin-Balkarian Republic (CSA KBR) Fond 780.

10. Shekikhachev M. The struggle against religious survivals is important task // KBT.-1959.- 29 December; Kasumov A. Islam is a weapon of spiritual enslavement of a person // KBT.-1960.- 18 December; Dzagurov M. Religion is a hurtful thing of the past // KBT.-1961.- 4 Mach; Guchev B. Reaction essence of religion // KBT.-1963.- 13 April; Kalugin R., Elberdov E. The way to militant atheism// KBT.-1964.- 16 September and others.